

Текущая литература.

Концевъ Андрей Ивановича, повѣсть В. Вересаева. („Жизнь“, 1899 г., № 1—3).

I.

Г. Вересаевъ, по моему мнѣнію, изъ всѣхъ недавно выступившихъ на литературное поприще молодыхъ писателей представляется силою, наиболѣе выдающеюся и поэтому подающею самую благія надежды. Въ последнее время большое вниманіе обращалъ на себя г. Горькій. Но какъ бы ни былъ талантливъ послѣдній, г. Вересаева я ставлю выше его во всѣхъ отношеніяхъ. У г. Горькаго вы найдете нѣсколько весьма существенныхъ недостатковъ, отъ которыхъ онъ никакъ не можетъ до сихъ поръ избавиться. Мы въ свое время говорили объ этихъ недостаткахъ, при разборѣ его разсказовъ. Такъ, мы обратили вниманіе на то, что г. Горькій, при крайней специализаціи своего творчества, заключающейся въ томъ, что онъ изображаетъ почти исключительно однихъ только босаяковъ, слишкомъ идеализируетъ своихъ героевъ, заставляя ихъ быть черезчуръ сознательными протестантами, порою чуть не Чайльд-Гарольдами, и производя такіе философскіе рѣчи, какія лишь ему въ пору. Къ этому ко всему выводимыя имъ личности слишкомъ конкретны, порою даже совершенно экцентричны; я не помню ни крайней мѣры ни одного лица, которое было бы хоть сколько-нибудь типично.

У г. Вересаева, напротивъ того, васъ поражаетъ строго выдержанная реальность. Вы не найдете у него такихъ эффектныхъ по своей художественности и поэтичности сценъ, какъ у г. Горькаго; зато не встрѣтите ни малѣйшихъ преувеличеній. При строгой объективности и глубокомъ, мастеровскомъ анализѣ, на каждомъ шагѣ въ разсказахъ г. Вересаева поражаютъ васъ личности вполне типичныя, чѣмъ г. Вересаевъ выше не только г. Горькаго, но и г. Чехова, у котораго герои въ свою очередь слишкомъ конкретны и экцентричны.

Главное же достоинство таланта г. Вересаева заключается въ томъ, что онъ не повторяется, а напротивъ того, обнаруживаетъ разнообразіе, свидѣтельствующее о томъ,

что онъ заботится объ обогащеніи своей фантазіи новыми и свѣжими матеріалами. Это большое ручательство въ пользу исполненія тѣхъ надеждъ, какіяждаютъ этотъ вновь народившійся талантъ.

II.

На этотъ разъ г. Вересаевъ знакомитъ насъ съ бытомъ столичной мастеровщины, который хотя не разъ уже затрагивался нашею беллетристикою, но въ значительной степени менѣе, чѣмъ крестьянскіе и фабричныя нравы. По моему мнѣнію, повѣсть г. Вересаева—лучшее, что только появилось въ нынѣшнемъ году по части беллетристики. Читая ее, вы встрѣчаете не какія-либо случайныя и необычныя явленія, очень возможные, но во всякомъ случаѣ рѣдкія въ рабочей средѣ, каковыми, напримѣръ, являются въ той же средѣ Коноваловъ или Орловъ въ разсказахъ г. Горькаго, носящихъ заглавія по имени своихъ героевъ. Напротивъ того, вы знакомитесь съ изображаемымъ бытомъ, въ самыхъ его существенныхъ чертахъ, и притомъ съ такихъ любопытныхъ сторонъ, какія до сихъ поръ еще почти не затрагивались беллетристикою.

Во главѣ повѣсти, въ лицѣ переплетчика Андрея Ивановича Колосова, стоитъ передъ вами, какъ живой, типическій столичный мастеровой. Это не выродокъ и не избранная натура, въ родѣ, еще разъ повторяю, Коновалова или Орлова, а въ своемъ родѣ собирательная личность, олицетворяющая собою большинство петербургскихъ или московскихъ мастеровыхъ средней руки.

Живетъ Колосовъ, конечно, въ бѣдной, душной, сырой квартиркѣ, на заднемъ дворѣ, вмѣстѣ съ семьей, по счастью немногочисленной, состоящей изъ жены Александры Михайловны и шестилѣтней дочурки Зины. Кормятся они плохо; вѣчно борются съ горькой нуждой, находясь кругомъ въ долгахъ; въ лавочкахъ, гдѣ забираютъ они съѣстное, съ трудомъ и не всегда имъ вѣрятъ. Къ тому же Колосовъ значительную часть своего заработка пропиваетъ въ ближайшемъ трактиркѣ „Сербія“. А между тѣмъ, заработокъ этотъ мѣсяцъ отъ мѣсяца становится скуднѣе, вследствие того, что изнурительная и въ тому